

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПАДНОГО ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО СЛОВАРЯ В РУССКИХ ФИЛОСОФСКИХ
НАПРАВЛЕНИЯХ, ИЗУЧАЮЩИХ СОВРЕМЕННОСТЬ**

Описывая характер возможного диалога с Фуко, Деррида использует слово «ребенок», подразумевая этимологическую игру – l'enfant – infans – infandus. Включая в текст фигуру не умеющего (по определению) говорить, он указывает на «невыразимое». В тот самый момент (после развернувшейся в 1991-1995 годах критики), когда русская медиафилософия заговорила на языке европейского постмодернизма (особенно здесь повлияли Деррида, Барт, Бодрийяр, Бенъямин), она поставила себя «больше чем» в состояние, которым тяготится ученик, желающий не просто говорить – давать ответы. Нужно «разбить рефлексии, эту бесконечную спекуляцию ученика об учителе. И начать говорить». Для Деррида это значит принять ту форму отношений, где «учитель, всегда, быть может, отсутствует». В этой небольшой фразе коренится общая проблема русской медиафилософии: «почему (внешне активное) говорение не заключает в себе ответ?». Решение заключается в поиске генерализующих на вербальном и надвербальном уровнях этого «больше чем» причин. На вербальном уровне (помимо общего места – отсутствие возможности прямого высказывания) в русской медиафилософии существуют два локальных регистра нюансов. Общеязыковые, т.к. французский язык (а именно он формирует активный вокабуляр) отличается от русского на уровне словаря общей лексики. В докладе будет рассмотрена специфика соотношения самых общих и абстрактных слов (например, «langue/langage/parole» и «язык/речь», использование артикля «la»), специфика их перевода и контекстного использования, вызывающая в русском применении психологизацию и сужение смысла. Более широкую область представляют специфические нюансы, относящиеся к рабочей лексике постмодернизма. В докладе будет рассмотрено слово «discours», которое в нынешнем значении во французском языке практически непереводаемо на русский и может значить все, что угодно. Особенно полезным выступает рассмотрение

«representation», т.к. является переходом к надвербальным регистрам. Начиная со «Всеобщего словаря» (1727 г.), где representation позволяет видеть нечто отсутствующее, указывая на глубокую укорененность в западной интеллектуальной традиции в значении «инструмента опосредованного познания». В русской же акцент смещен к значению утраты подлинности, материальности (что позволяет без выработки каких либо эвристик применять только негативные характеристики). Это закрепляется тем, что в Россию западная модель искусства (именно та область, откуда извлекаются западная эмпирическая база) пришла со значительным опозданием и русская реакция на репрезентацию представляет собой реакцию относительно архаичного сознания на культурную форму современности (в русских текстах репрезентация подвергается тотальной критике через игнорирование теоретических нюансов западных текстов). В статье «Sending: On Representation» Деррида предостерегает от безоговорочной критики репрезентации, потому что такое осуждение может быть использовано в проектах по реабилитации присутствия (в том числе служить интересам реакционных политических течений), но самое важное, потому что то, что «преступает фигуру любой возможной репрезентации», может оказаться новым законом. В аналогичном ключе будет рассмотрено игнорирование поздних работ Барта (дешифровка мифа возможна только в частных случаях и является продуктивной только как процесс до момента непосредственной дешифровки, т.к. «обезвреженный» миф способствует формированию более совершенной конструкции). Возвращаясь к «фокусу Деррида» мы имеем дело с артикуляцией принципиально разных задач («поиск отсутствия» через удаление спекуляций и конструирование «спекуляций» через поиск и реабилитацию присутствия). Эта ситуация несет в себе острое противоречие: как метод перестает работать деконструкция, сохраняя только внешнюю жанровую специфику, выраженную в использовании смутности и неопределенности высказывания, что деформирует саму суть письма (происходит подмена «воли письма» «желанием письма») и превращает исследования в стилизованную риторику.

Это передает русский медиафилософский текст в компетенцию аналитической философии. Возможно, может показаться логичным указать на изначальную теоретическую конфликтность, но на подобную проблему указывает не только Витгенштейн, но и

постмодернист Полан, теоретик новых медиа Конрад. В итоге обозначенная «смутность» и «зачарованность языком», вызывающая желание мыслить объекты исследований к индивидуальным переживаниям этих объектов с последующим множеством разрозненных индивидуальных переживаний различных авторов становится общим местом проблемы высказывания. Но тут стоит указать на принципиальное различие между «смутностью» языка в западных и русских программных произведениях. Так, бодрийяровские имплозия, стазис, прозрачность зла, бессилие искусства – суть индивидуальные переживания (обеспокоенность классического философа, исходящая из представления о том, что классическая модель репрезентации больше не работает в современном мире, т.к. процесс отражения реальности превратился в ее искажение путем производства симулякров, так же как и «технофобия»). Но они не несут в себе указанного выше противоречия, т.к. включены в контекст западного понимания репрезентации и отвечают цели деконструкции. В пространстве же русской философии этот метод научного исследования имеет статус индульгенции, представляющий универсальный алгоритм утверждения негативных и поощрения игнорирования нейтральных или положительных (даже на уровне претендента) качеств.

В первую очередь это касается осмысленной методологии, рабочего вокабуляра (в докладе будет рассмотрена единственная рабочая медиафилософская стратегия – спекулятивная онтологизация явления через приставку «медиа», в сравнении с тактикой «мета») и нарушает мирное сосуществование, в рамках которого функционирует научное познание, которое в существующем виде организовывается посредством симпатии/эмпатии, сведенных к игре различными внутренне противоречивыми системами идей и ценностей. В какой-то степени наше исследование выступает в виде требования подвести логическую черту под спекуляциями секулярным трендом XX-XXI в. (драматизация и гиперпсихологизация современности), которому в русской медиафилософии отводится место в классических, постмодернистских интеллектуальных конструкциях. Но больше всего претензий касаются симбиотичных конструкций (в докладе будет рассмотрена традиция «совершенно неприемлемого» фёдоровского синтеза утопизма и реализма, научного материализма и религиозного сознания, позитивизма и мистики).

Это требование было бы лишённым основания, если бы не подразумевало наличие стратегии, позволяющей снять методологическую и теоретическую проблемность. В своих построениях мы основываемся на том, что под слоем жанровых стилистик существует фундаментальное основание, которое может быть применено в качестве отправной точки. Оно исходит из представления о том, что выход за пределы репрезентации (в Европе) или консервация нерепрезентативных моделей (в России) не основная цель постмодернистских практик, которые заключаются в разоблачении системы власти, авторизирующей определенные представления и в то же время блокирующей другие. Эта работа разворачивается в области юридической границы между тем, что может быть, и тем, что не может быть представлено. Практическую реализацию этого тезиса можно показать на примере, ставшей уже классической – проблемы автора/авторства, получившей дополнительную остроту в момент перехода от печатного текста к электронному. В докладе будут представлены к обсуждению ряд операций, позволяющих изъять примат авторства из онтологического и аксеологического поля (автор произведения останется автором, а произведение останется), что делает совершенно необязательной популярную операцию редуцирования процессов современности к ницшеанской манифестации «бог умер» через бартовскую «смерть автора» и перевести указанную проблему в поле выработки способов нарушения равновесия институциональных систем (ввести в исследования широко известного, но не используемого в данном контексте Фуко). Это может быть осуществлено через: понимание исторического процесса в контексте Фуко/Элиаса; устранение в России популярных подходов (психологический, социологический, структурно-семиотический), в рамках которых современные процессы/явления понимаются как неизменные антропологические величины (введение положительного понимания изменчивости); реабилитацию классических методов научного исследования (классификация модальностей изменений, дифференциация их регистров); изменение отношения к технике; постановке действительно важных практических задач. Говорить и давать ответы.